Иногда каждый из нас размышлял над теорией, что родись он в другом теле и не будь связан с родственниками кровными узами, то, наверное, не общался с ними. Еще Тургенев поднимал вопрос о взаимоотношении отцов и детей, о зашоренности одних и нежелании понимать старшее поколение других. Вот и я не был исключением.

Все моё общение с отцом строилось таким образом. Я пытался доказать, что могу жить без его помощи. Он – что его сын великовозрастный придурок, который не понимает элементарных вещей. И разумеется, никто никому не хотел уступать. Логичным следствием таких отношений стало дистанцирование. У него отсутствовали рычаги влияния на меня, и моего властного папашу данный факт невероятно бесил. А я со временем понял, что чего бы ни достиг в жизни, для отца это будет не тем, что он хотел видеть. Так и жили.

Редкие встречи все же происходили. Раз в месяц или около того мама собирала всю нашу семью и мы играли роль счастливых и довольных отпрысков. И так до следующего раза. И, судя по входящему, время пришло.

– Хорошо, мам, хорошо. Вечером, в шесть. Я запомнил… Не могу разговаривать, я в автобусе… По делам еду, все, пока.

Как всегда маме хотелось знать все, что происходит в жизни сына. Впрочем, судя по греющему уши Охотнику, ему тоже.

– Долго еще ехать?

– Нет.

Точное местоположение «местной общины», именно так мой сосед обозначил конечную цель нашего путешествия, оставалось неизвестно. Конечно, я пробил уже в телефоне маршрут автобуса. По логике, двигались мы куда-то либо в центр, либо дальше, в старую часть города. И судя по тому, что за окном мелькнула мэрия, а Охотник даже не шелохнулся, второй вариант выглядел наиболее вероятным.

Город, как и прежде, изменился. Если резюмировать коротко – постарел. Виднелась странная лепнина каких-то чудовищ на сталинских высотках, среди людей угадывались полукровки-обыватели, а в небе, хотя это мне могло показаться, пролетело нечто явно больше обычной птицы. Самая забавная метаморфоза произошла с вывесками. К примеру, на старой, вытертой дождями доске у потрепанного здания было написано «Различные ингредиенты от производителя». А вот мое волшебное зеркало говорило, что это стандартный выносной аптечный штендер. Думается, там продаются средства помощнее аспирина.

Наконец Охотник поднялся с места, подошел к двери, и на очередной остановке мы вышли. Как я правильно догадался, приехали в старую часть города. Дай бог памяти, как эта улица называется: Алексеевская, Александровская? Особого пиетета к разваливающимся купеческим домам я не испытывал, а гулять с очередной пассией гораздо лучше было в торговом молле.

– Пойдем, – кинул Охотник.

Мы прошли немного по главной улице, а потом свернули в какой-то двор. Время, казалось, здесь остановилось окончательно и бесповоротно. Покосившиеся крыши неодобрительно глядели сверху, щурился разбитой фарой старый ржавеющий мотоцикл «Ява», даже уличный кот с разорванным ухом остановился и заинтересованно проводил взглядом пришельцев. А мы пошли дальше.

Дворы сменялись друг другом. Я даже подумал, что такого быть не может, какой-то из них уже должен выйти на дорогу. Но невысокие дома вдруг расступились, образовав широкую площадь, кишащую Игроками.

– Сам подход сюда и это место зачарованы. Впрочем, как и все подобные в больших городах. Случайный обыватель сюда не забредет, Ищущих здесь не увидит.

Я осмотрелся вокруг: «Алхимическая лавка», «Оружейник», «Секонд-хэнд. Лучшее ношенное из Пургатора», «Лучшие марки Низотопья», «Лунные клинки братьев Калининых», «Защита у Смита», «Арсенал» и прочее, прочее… Взглянул на отражение истинного зеркала. Лишь куча заброшенных домов с заколоченными окнами. Забавно.

– Охотник, – вышел перед нами из снующей толпы мужчина с кожей цвета вареной моркови, – не думал, что ты сюда явишься. Видимо, память тебе отшибло?

– Я не хочу с тобой разговаривать, – ответил мой сосед и попытался пройти мимо.

– Ты мне должен, – остановил его собеседник, – из-за тебя убили моего кореша. А сам я вынужден гнить здесь и не могу вернуться на родину.

– Разве у тебя недостаточно пыли, для оплаты Вратаря? Или в Пургатор, как и в Элизий, стали пускать только тех, у кого светлая карма?

– Не пытайся надо мною смеяться, – в руках оранжевого появился пистолет. Обычный ПМ, если мне не изменяет память, – ты понимаешь о чем я. Стоит мне появиться там, и меня убьют.

– Идти или оставаться здесь, это твой выбор.

– Ты должен мне триста грамм пыли. За неудобства, – собеседник помахал пистолетом.

– Я тебе ничего не должен. Катись в Фиролл, глупец.

– Триста грамм или…

– Ты угрожаешь мне?

http://tl.rulate.ru/book/11718/230287